

Глава 33. День рождения

Чан Я блаженно прищурился и, привалившись к теплому каменному борту купальни, незаметно для самого себя погрузился в сон. Когда его осторожно растолкали, он первым делом увидел Цэнь Сяолу — тот уже успел одеться и теперь стоял над ним, держа в руках несколько крупных спелых плодов.

— Достаточно прогрелся? — спокойно спросил Сяолу. — Пора собираться в обратный путь.

Чан Я, все еще пребывая в полусонной неге, потер глаза и огляделся. Юного послушника нигде не было видно.

— Мяо-эр торопился, так что ушел вперед, — пояснил Цэнь Сяолу.

— Понятно, — Чан Я уперся руками в край бассейна и выбрался на берег.

Он с наслаждением потянулся, чувствуя, как в теле разливается приятная легкость.

— А у парня рука легкая, размял меня просто на славу. В следующий раз, как соберемся к источникам, обязательно его позову.

Накинув одежду, Чан Я подошел к Сяолу. Тот протянул ему фрукты.

— Вот, Мяо-эр оставил. Проголодался? Съешь один.

Глядя на сочные, покрытые капельками росы плоды, Чан Я почувствовал, как во рту скопилась слюна. Он впился зубами в мякоть — брызнул сладковато-кислый сок, мгновенно прогоняя остатки дремоты. Цэнь Сяолу есть отказался, так что Чан Я бережно завернул оставшиеся фрукты в чистую тряпицу.

Вернувшись в храм Танби, они накоротке попрощались с Мяо-эром и отправились домой. После купальни Чан Я чувствовал такой прилив сил, что ему не терпелось заняться чем-нибудь деятельным. Он принялся упрашивать Сяолу научить его управлять повозкой. Цэнь Сяолу долго отнекивался, но в конце концов сдался: передал поводья в руки товарища, а сам сел рядом, готовый в любой момент вмешаться.

Как и следовало ожидать, верить в то, что лошадь сама найдет дорогу, было куда надежнее, чем полагаться на таланты Чан Я. Когда лошадь рванула напрямик к обрыву и стало ясно, что неопытный кучер не в силах ее сдержать, Сяолу мгновенно перехватил вожжи. Конь встал на дыбы, жалобно заржав, и замер всего в ладони от края пропасти.

— Уф... пронесло! — выдохнул Чан Я.

Он побледнел как полотно, а по спине скатился холодный пот. Желание править повозкой у него отбило напрочь. Цэнь Сяолу, чье самообладание тоже подверглось серьезному испытанию, лишь покачал головой:

— Иди-ка ты лучше в фургон, отдохни. Нам бы хоть до Крючковой луны живыми добраться.

Чан Я не стал спорить и послушно юркнул внутрь.

Дни потянулись один за другим, пока однажды за ужином лекарь Чан Фулянь не завел разговор о важном.

— Знаете, а ведь скоро день рождения Я-эра.

— Точно, — Чан Я вспомнил, что они с Цэнь Сяолу одногодки, и обернулся к нему: — А ты когда родился?

— Семнадцатого числа одиннадцатого месяца.

— Всего на день раньше меня! — искренне удивился Чан Я такому совпадению.

— А ты? — Сяолу поднял на него взгляд.

— А я в самый день зимнего солнцестояния, восемнадцатого числа.

Чан Фулянь довольно усмехнулся:

— Вот и славно. Ваши праздники стоят рядышком, так что отметим всё разом.

Чан Я искоса глянул на Цэнь Сяолу, чувствуя легкий укол досады. Надо же, этот парень старше него на целые сутки! И как теперь прикажете называть его «младшим учеником»? Совесть не позволяет.

— Раз учитель так решил, пусть будет в день солнцестояния, — невозмутимо отозвался Сяолу.

— Да можно и днем раньше, — предложил Чан Я, не желая, чтобы товарищ под него подстраивался.

— Нет-нет, отпразднуем в солнцестояние, — подвел итог Фулянь. — Как раз пара дней в запасе

есть, прикупим чего-нибудь вкусного, устроим пир горой.

Теперь, когда у них была повозка, поездки в городок Сяшуй стали делом пустяковым. Цэнь Сяолу доставил Чан Я на рынок, и, оставив лошадь на привязи, они отправились бродить по торговым рядам, присматривая всё необходимое для праздника.

На одной из улиц к Чан Я привязался мальчишка-попрошайка. Замарашка в лохмотьях вцепился в край его рукава и, заглядывая в глаза, жалобно запричитал, протягивая щербатую плоску:

— Брат, будь милосерден, подай монетку!

Сердце Чан Я сжалось от жалости при виде этого оборвыша.

— А где твои родители?

— Нет у меня ни отца, ни матери. Подай хоть немного, добрый брат, в животе совсем пусто, три дня маковой росинки во рту не было.

Мальчик состроил такую страдальческую мину, что Чан Я, не раздумывая, выгреб из кошелька все медные гроши и высыпал их в плоску.

— Вот, бери всё. Ступай скорее, купи себе еды.

— Спасибо, брат! — малец просиял и со всех ног бросился наутек.

Цэнь Сяолу, до того хранивший молчание, сухо спросил:

— Ты отдал ему всё до последней монеты. На что мы будем покупать припасы?

— Мы... — Чан Я растерянно заглянул в пустой кошель. — Мы попросим в долг! Лавочники меня знают, отдам в следующий раз.

Цэнь Сяолу лишь вздохнул. Он сильно сомневался, что пацан действительно умирал с голоду, и предчувствие его не обмануло: за следующим же поворотом они увидели, как их «сиротка» преспокойно заходит в добротный дом, где дородная женщина вручает ему два огромных горячих баоцзы.

— Ну, видишь?

— Главное... главное, что он не голоден, — пробормотал Чан Я, теряя уверенность. — Я знаю,

каково это — когда в животе урчит от пустоты.

Сяолу больше не проронил ни слова. Они зашли к торговцу мукой за запасами для праздничных танъюаней. Хозяин лавки приветливо кивнул:

— О, Чан Я! А это кто с тобой? Лицо незнакомое. Что брать будете?

— Нам бы муки да семян кунжута, — представил он товарища. — А это мой младший ученик.

— Какой статный юноша, — похвалил лавочник. — Глядя на него, и не скажешь, что младший. Скорее на наставника твоего похож.

Чан Я покосился на Цэнь Сяолу. «Младший он, точно младший, — сердито подумал он. — Видать, у хозяина со зрением совсем беда».

Торговец оказался человеком понимающим и без лишних слов позволил забрать товар в долг. Закончив с покупками, они уже собирались уходить, когда Сяолу вдруг попросил заглянуть в Академию Минли. Чан Я замялся: занятия были в самом разгаре, и ему совсем не хотелось сталкиваться с Фу Лоу или его прихвостнями.

— Зачем тебе туда?

— Просто хотел посмотреть, как тут учат.

— Так мы же уже были там один раз.

—... Что ж, забудь. Поехали домой, уже вечерет.

Весь день Цэнь Сяолу покорно следовал за ним, и ему стало совестно. Его товарищ редко о чем-то просил сам, а Академия Минли была гордостью городка. В конце концов, в том, чтобы просто поглазеть на здание, не было ничего плохого.

— В другой раз, — пообещал Чан Я. — В следующий раз выберем выходной день, и я тебе там всё покажу.

— Хорошо, — согласился Сяолу.

На обратном пути Чан Я, не забывший слов лавочника, решил расставить точки над «i».

— Слушай, ты у нас уже сколько живешь, а я от тебя ни разу не слышал заветного слова.

— Какого еще слова?

— Признай во мне старшего! Ну-ка, назови меня «брат-наставник».

Он хотел закрепить свой статус, пусть даже разница в возрасте была всего в один день. Старшинство есть старшинство. Цэнь Сяолу лишь плотнее сжал губы и сосредоточился на дороге.

— Ну чего ты молчишь, а, младший? — Чан Я намеренно выделил последнее слово.

— Ты же сам просил называть тебя по имени, — последовал спокойный ответ.

— То другие! А ты — ученик дедушки, тебе по чину положено звать меня старшим.

— Я старше тебя на день, — отрезал Сяолу.

— Да какая разница! — вскипел Чан Я. — Будешь звать или нет?

— Тсс... — Цэнь Сяолу приложил палец к губам. — Тише, коня напугаешь.

Ему оставалось только сердито сопеть в сторонке.

Наступило зимнее солнцестояние — день их общего праздника. Чан Фулянь объявил выходной: никаких просителей, никаких уроков. Чан Я сиял от счастья. Весь день он таскал Цэнь Сяолу по своим любимым потаенным местам, а к вечеру они прихватили с собой кувшин доброго вина.

Дедушка сам встал у плиты и приготовил роскошный ужин — на столе теснились блюда из рыбы и мяса. Мальчишки помогали: один месил тесто, другой лепил начинку из кунжута. Когда таньюани, круглые и белые, заплясали в кипятке, Чан Я не удержался и схватил один.

— Ой, жжётся! — вскрикнул он, смешно разевая рот.

Старик, глядя на них, довольно улыбался. Он даже позволил им пригубить вина. Чан Я, доселе хмельного не пробовавший, сделал глоток и тут же скорчил кислую мину:

— Какая гадость...

Цэнь Сяолу лишь слегка пригубил, сохраняя беспристрастие.

Фулянь, развеселенный реакцией внука, расхохотался и, приложившись к кувшину, сделал внушительный глоток. В Чан Я вдруг проснулось упрямство. Не желая выглядеть слабаком в глазах деда и Сяолу, он заставил себя отхлебнуть еще раз и изо всех сил постарался придать лицу безразличное выражение.

— Сразу вкус не распробовал. А вообще... неплохое вино.

— Хорошее, — подтвердил Сяолу. — Только увлекаться не стоит.

Слова его оказались пророческими. Едва ужин подошел к концу, Чан Я пришлось буквально тащить в комнату. Вино быстро ударило в голову, щеки и уши пылали пунцовым, а сам он, растянувшись на кровати, только и мог, что глупо хихикать.

— Чего смеешься? — Цэнь Сяолу присел рядом и стащил с него сапоги.

— Весело мне, — Чан Я запустил пятерню в волосы Сяолу, но пряди, скользкие как шелк, тут же выскользнули из пальцев.

Тот мягко увернулся:

— Не елозь. Давай помогу раздеться.

— Раз... раздеться? — Чан Я с трудом соображал, что от него хотят. — Нет, нельзя. Увидят же... всё увидят.

Сяолу не сдержал легкой улыбки:

— Только верхнее платье сниму, никто ничего не увидит.

Чан Я доверился ему и замер, позволяя укутать себя в одеяло.

— Спи уже.

Но Чан Я вдруг оживился и вцепился в рукав Сяолу, не давая тому уйти.

— Ты... ты куда?

— Спать.

— Куда спать? — не выпускал он его.

— В свою комнату.

Чан Я продолжал держать его. И когда Цэнь Сяолу уже собрался высвободить руку, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор, Чан Я, запинаясь, спросил:

— Тебе... ч-что, не в радость? День р-рождения же... чего не весел?

Слова прозвучали на удивление четко. Сяолу замер, глядя в его затуманенные хмелем глаза.

— Почему ты так решил?

— Да ты ж... ни разу не улыбнулся.

Цэнь Сяолу промолчал. Его взгляд на мгновение смягчился, но лицо быстро приняло привычное выражение. Он осторожно высвободил руку и убрал ладонь Чан Я под одеяло.

— Я рад. Засыпай.

Получив ответ, Чан Я довольно осклабился.

— Рад... Это хорошо. Это славно!

Вернувшись к себе, Цэнь Сяолу обнаружил у изголовья кровати ленту для волос. Дымчато-серая, с серебристым шитьем по краям, она была необычайно приятной на ощупь. Сяолу вспомнил: сегодня на рынке Чан Я задержал взгляд на этой вещице у одного из лотков. Видимо, умудрился купить ее тайком.

Глядя на подарок, Цэнь Сяолу невольно вспомнил открытую, искреннюю улыбку Чан Я — чистую, как утреннее небо, не тронутое ни единым облачком.

<http://bllate.org/book/17545/1714552>